

НАКАНУНЕ УБИЙСТВА

Пятница, 2 апреля 1999 года

Последним, кто видел ее живой, был Льюис Джейкоб, владелец автозаправки, расположенной на шоссе 21. В 19.30 он собрался уходить из магазина, примыкающего к бензоколонкам: у жены был день рождения, он вел ее ужинать.

— Тебе точно не трудно будет закрыть все самой? — спросил он работницу на кассе.

— Никаких проблем, мистер Джейкоб.

— Спасибо, Аляска.

Взгляд Льюиса Джейкоба на миг задержался на девушке. Какая красавица, прямо солнечный лучик. А какая приветливая! За те полгода, что она здесь работала, жизнь Льюиса полностью переменялась.

— А ты? — спросил он. — Есть планы на вечер?

— У меня свидание... — улыбнулась она.

— Посмотреть на тебя, так это не просто *свидание*.

— Романтический ужин, — призналась она.

— Везет Уолтеру, — сказал Льюис. — Значит, помирились?

Аляска в ответ только пожала плечами. Льюис поправил галстук, глядя на свое отражение в стекле:

— Как я выгляжу?

— Лучше не бывает. Ну, бегите, вам нельзя опаздывать.

— Хороших выходных, Аляска. До понедельника.

— Хороших выходных, мистер Джейкоб.

Она снова улыбнулась. Эту ее улыбку он не забудет никогда.

На следующий день в семь часов утра Льюис Джейкоб приехал открывать заправку. Он вошел в магазин и запер за собой дверь, чтобы подготовиться к приему первых посетителей. Вдруг кто-то неистово забарабанил в стекло; обернувшись, он увидел истошно кричащую девушку в костюме для бега, с перекошенным от ужаса лицом. Он бросился открывать, девушка метнулась к нему с воплем: “Звоните в полицию! Звоните в полицию!”

В то утро жизнь маленького городка в штате Нью-Гэмпшир резко изменилась.

ПРОЛОГ

О том, что происходило
в 2010 году

Несмотря на триумф и славу, годы с 2006-го по 2010-й остались у меня в памяти как трудный период. Моя тогдашняя жизнь в точности походила на американские горки.

Поэтому, прежде чем рассказать историю Аляски Сандерс, найденной мертвой 3 апреля 1999 года в Маунт-Плезант, штат Нью-Гэмпшир, и объяснить, каким образом летом 2010 года я оказался участником уголовного расследования одиннадцатилетней давности, нужно сначала коротко описать, в каком положении я к тому моменту находился и, в частности, как складывалась моя карьера молодого писателя.

Стартовала она с оглушительного успеха в 2006 году: тираж моего первого романа достиг нескольких миллионов экземпляров. Мне едва исполнилось двадцать шесть, а я уже вошел в крайне ограниченный круг богатых и знаменитых писателей, меня вознесли на вершину американской литературы.

Однако вскоре обнаружилось, что у славы есть последствия: те, кто следит за моим творчеством с самого начала, знают, насколько громадный успех первого романа выбил меня из колеи. Известность раздавила меня, я утратил способность писать. Писательский ступор, блок вдохновения, синдром чистого листа. Крах.

Потом случилось дело Гарри Квеберта, вы наверняка о нем слышали. 12 июня 2008 года в саду Гарри Квеберта, легенды американской литературы, было обнаружено и эксгумировано тело пятнадцатилетней Нолы Келлерган, пропавшей в 1975 году. Дело это глубоко потрясло меня: Гарри Квеберт был моим университетским преподавателем, а главное, самым близким другом в то время. Я не мог поверить, что он виновен. Один против всех, я изъездил Нью-Гэмпшир вдоль и поперек и провел собственное расследование. В конце концов я добился оправдания Гарри, однако связанные с ним тайны, открывшиеся мне, в итоге разрушили нашу дружбу.

Об этом расследовании я написал книгу “Правда о деле Гарри Квеберта”, она вышла в середине осени 2009 года, и ее невероятный успех превратил меня в писателя национального значения. После первого романа читатели и критики ждали от меня второго подвига, дабы наконец произвести меня в рыцари, и книга стала им. Отныне я был не призрачным вундеркиндом, не метеором, сгинувшим в ночи, не погасшим пороховым фитилем — я стал признанным писателем, равным среди равных, занял свое законное место. У меня словно гора с плеч свалилась. Я будто снова обрел себя после трехлетних блужданий по пустыне славы.

А потому в последние недели 2009 года я испытывал умиротворение. Вечером 31 декабря я праздновал Новый год на Таймс-сквер, среди радостной толпы. Я не отдавал дань этой традиции с 2006 года, с момента выхода своей первой книги. В ту ночь мне, безмянному среди безмянных, было хорошо. Я встретился глазами с какой-то женщиной, она мне сразу понравилась. Она пила шампанское и с улыбкой протянула мне бутылку.

Возвращаясь мыслями ко всему, что случилось в следующие месяцы, я вспоминаю эту сцену, подарившую мне иллюзию, что я наконец нашел покой.

События 2010 года показали, что я ошибался.

ДЕНЬ УБИЙСТВА

3 апреля 1999 года

Семь часов утра. Она бежала в одиночку вдоль шоссе 21, среди зеленеющих полей. Музыка в наушниках задавала отличный ритм. Шаг быстрый, дыхание не сбивается, через две недели она стартует на бостонском марафоне. Она готова.

У нее было чувство, что сегодня идеальный день — лучи восходящего солнца заливают поля, усеянные цветами, за ними высится гигантский лес Уайт-Маунтин.

Вскоре она добежала до автозаправки Льюиса Джейкоба. Ровно семь километров от дома. Изначально она не собиралась бежать дальше, но теперь решила поработать еще немного. Миновала автостанцию, добежала до поворота на Грей Бич и свернула на грунтовку — в чересчур жаркие дни здесь бывало не протолкнуться от курортников. Дорога вела к парковке, откуда начиналась пешая тропа, уходившая через лес Уайт-Маунтин к широкому галечному пляжу на берегу озера Скотэм. На парковке Грей Бич стояла синяя машина с откидным верхом и массачусетскими номерами, но она не обратила на нее внимания и побежала по дорожке к пляжу.

Оказавшись на опушке, она вдруг заметила фигуру на берегу и застыла на месте. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать происходящее. Ее сковал ужас. Он ее не видел. Главное, не шуметь, не выдать себя — если он заметит, наверняка примется и за нее. Она спряталась за дерево.

Адреналин придал ей сил незаметно доползти до тропы. Потом, решив, что теперь ей ничто не грозит, она припустила во весь дух. Бежала так, как не бегала никогда в жизни. Она нарочно ушла из дома без телефона. Как же она теперь себя ругала!

Она выскочила на шоссе 21. Надеюсь, что проедет какая-нибудь машина, — никого. Словно она одна на целом свете. Оставался спринтерский забег до автостанции Льюиса Джейкоба, там ей помогут. Добежала, с трудом дыша, и налетела на запертую дверь. Но, увидев внутри заправщика, стала колотиться в нее, пока он не открыл. И метнулась к нему с воплем:

— Звоните в полицию! Звоните в полицию!

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРОТОКОЛА ДОПРОС ПИТЕРА ФИЛИПСА

[Питер Филипс служит в полиции Маунт-Плезант около пятнадцати лет. Он первым из полицейских прибыл на место. Показания записаны в Маунт-Плезант 3 апреля 1999 года.]

Когда позвонили из дежурной части насчет того, что происходит на Грей Бич, я сперва решил, что ослышался, и попросил оператора повторить. Я находился в секторе Стоув Фарм, недалеко от Грей Бич.

Вы отправились прямо туда?

Нет, сначала я заехал на заправку на шоссе 21, откуда поступил звонок свидетеля. Учитывая ситуацию, я счел важным поговорить с ним, прежде чем действовать. Знать, к чему быть готовым на пляже. Свидетелем была перепуганная молодая женщина. Она рассказала, что случилось. За пятнадцать лет, что я работаю в полиции, мне еще ни разу не приходилось сталкиваться с подобной ситуацией.

А потом?

Я немедленно выехал на место.

Вы поехали один?

У меня не было выбора. Нельзя было терять ни минуты. Я должен был его найти, пока он не удрал.

Что было дальше?

Я помчался как полоумный с заправки на парковку Грей Бич. Подъехав, увидел синюю машину с откидным верхом и массачусетскими номерами. Потом взял помповое ружье и пошел по тропинке к озеру.

И?..

Когда я выскочил на пляж, он был еще там, терзал эту бедную девочку. Я заорал, чтобы он прекратил, он поднял голову и в упор посмотрел на меня. Потом медленно двинулся в мою сторону. Я сразу понял: или он, или я. Пятнадцать лет служу и ни разу еще не стрелял. До сегодняшнего утра.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Последствия успеха

На гигантские ангары киностудий на берегу реки Святого Лаврентия опускался весенний снежок. Здесь уже несколько месяцев шли съемки киноверсии моего первого романа, “Г как Гольдштейн”.

ГЛАВА I

ПОСЛЕ “ДЕЛА ГАРРИ КВЕБЕРТА”

*Монреаль, Квебек
5 апреля 2010 года*

По случайному совпадению съемки начались одновременно с выходом в свет “Правды о деле Гарри Квеберта”. На волне триумфальных книжных продаж будущий фильм уже вызывал всеобщий восторг, а его первые кадры наделали шума в Голливуде.

Снаружи холодный ветер гонял снежные хлопья, а в студии стояло лето: актеры и статисты в мощных лучах прожекторов, казалось, жарились на раскаленном солнце; декорации пешеходной улицы были на редкость реалистичны. Снималась одна из моих любимых сцен — герои, Марк и Алисия, после долгих лет разлуки наконец встречаются на террасе кафе, в толпе прохожих. Им не нужны слова, довольно лишь взглядов, чтобы наверстать время, которое они потеряли друг без друга.

Я сидел за контрольными экранами, следил за съемкой.
— Стоп! — внезапный крик режиссера прервал этот благодатный миг. — То, что нужно.

Помреж, сидевший рядом, повторил по рации его фразу: “То, что нужно. На сегодня все”.

В тот же миг съемочная площадка превратилась в муравейник: технический персонал зачехлял камеры, актеров, расходившихся по уборным, провожали унылые взгляды статистов, которым так хотелось перемолвиться с ними словом, добыть фото или автограф.

Я решил пройтись по декорациям. Все казалось таким настоящим — улица, тротуары, фонари, витрины. Я зашел в кафе, восхищаясь тщательной проработкой деталей. У меня было чувство, что я гуляю по собственному роману. Я протиснулся за стойку с горой сэндвичей и выпечки: все, что попадало на экран, должно было выглядеть реальным.

Созерцание мое длилось недолго. Из задумчивости меня вывел чей-то голос:

— Официантом заделались, Гольдман?

Это был Рой Барнаски, эксцентричный генеральный директор издательства “Шмид и Хансон”, печатавшего мои книги. Утром он без предупреждения прилетел из Нью-Йорка.

— Кофе, Рой? — предложил я, беря пустую чашку.

— Лучше дайте какой-нибудь сэндвич, умираю с голоду.

Я понятия не имел, насколько вся эта еда съедобна, но без колебаний протянул Рою сооружение с индейкой и сыром.

— Знаете, Гольдман, — заявил он, жадно впиваясь в толстые ломти, — этот фильм произведет фурор! К тому же мы собираемся выпустить специальное издание “Т как Гольдштейн” — это будет сенсация!

Тем, кто читал “Правду о деле Гарри Квеберта”, известно, насколько неоднозначными были мои отношения с Роем Барнаски. Всем остальным достаточно знать, что его симпатии к авторам зависели от того, сколько он мог сделать на них денег. Два года назад он обливал меня помоями за не сданный вовремя роман, зато теперь, после рекордных тиражей

“Правды о деле Гарри Квеберта”, я занимал особое место в его пантеоне кур, несущих золотые яйца.

— Вы, Гольдман, небось, на седьмом небе, — продолжал Барнаски, явно не понимая, что мне не до него. — Книга имеет успех, а теперь еще фильм. Помните, два года назад я из кожи вон лез, чтобы роль Алисии играла Кассандра Поллок, а вы меня бранили почему зря. Видите, оно того стоило! Все в один голос твердят, что она потрясающая!

— Да уж, Рой, это я вряд ли когда забуду. Вы всех убедили, что она моя любовница.

— И каков результат! У меня отличный нюх, Гольдман! Потому-то я и большой босс! Кстати, я приехал поговорить с вами на очень важную тему.

С той самой минуты, когда он внезапно появился на съемки, я знал, что в Монреаль он прилетел не просто так.

— О чем речь? — спросил я.

— Есть новость, она вас обрадует, Гольдман. Мне хотелось сообщить ее вам лично.

Барнаски подстраховывался — нехороший знак.

— Рой, говорите прямо.

— Мы вот-вот заключим контракт на экранизацию “Правды о деле Гарри Квеберта” с MGM! Это будет грандиозно! До того грандиозно, что они хотят как можно быстрее подписать предварительное соглашение.

— Не думаю, что мне хочется делать из этого фильм, — сухо отозвался я.

— Да вы сперва на контракт взгляните, Гольдман. Одна подпись — и два миллиона долларов ваши! Калякаете свое имя внизу страницы — и бах! — на ваш банковский счет падают два миллиона долларов. Не считая процентов от прибыли и всего остального!

Мне совершенно не хотелось с ним объясняться.

— Поговорите с моим агентом или адвокатом, — предложил я, чтобы закончить разговор.

Барнаски взъярился не на шутку:

— Если бы меня интересовало мнение вашего говенного агента, я бы не таскался в такую даль!

— Это не могло подождать, пока я вернусь в Нью-Йорк?

— Вернетесь в Нью-Йорк? Вы же как ветер, Гольдман, если не хуже, — на месте не сидите!

— Гарри не хотел бы фильма, — поморщился я.

— Гарри? — поперхнулся Барнаски. — Гарри Квеберт?

— Да, Гарри Квеберт. Вопрос закрыт: я не хочу фильма, не хочу опять во все это погружаться. Хочу забыть это дело. Перевернуть страницу.

— Нет, вы только послушайте этого хныкающего крошку! — взвился Барнаски, не терпевший возражений. — Ему дают целый черпак икры, а деточка Гольдман капризничает и не желает открывать ротик!

С меня было довольно. Но Барнаски уже сам жалел о своей грубости и попытался ее загладить.

— Давайте я объясню вам замысел, милый Маркус. — Голос его источал мед. — Вот увидите, вы передумаете.

— Сначала я передохну.

— Поужинаем сегодня вдвоем! Я заказал столик в ресторане в старом Монреале. Часиков в восемь?

— У меня вечером встреча, Рой. Поговорим в Нью-Йорке.

Оставив его стоять где стоял, с суррогатным сэндвичем в руке, я направился от съемочной площадки к главному входу в студию. Там, прямо у широких двойных дверей, расположился киоск с фастфудом. Каждый день после съемок я подходил к нему выпить кофе. Продавщица была всегда одна и та же. Прежде чем я успел сказать хоть слово, она протянула мне картонный стаканчик с кофе. Я благодарно улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Люди часто мне улыбаются. Только теперь я уже не знаю, улыбаются они мне как брату по разуму, которого встречали, или как писателю, которого читали. В этот момент продавщица

достала из-под прилавка экземпляра “Правды о деле Гарри Квеберта”.

— Вчера дочитала. Ах, какая книжка, не оторвешься! Вы не могли бы мне ее надписать?

— С удовольствием. Как вас зовут?

— Дебора.

Дебора, ну конечно. Она мне уже десять раз говорила.

Я вытащил из кармана ручку и написал на форзаце ритуальную фразу, которую придумал для посвящений:

*Деборе,
которая теперь знает всю правду
о деле Гарри Квеберта.
Маркус Гольдман*

— Хорошего вам дня, Дебора, — попрощался я, возвращая ей книгу.

— Хорошего дня, Маркус. До завтра!

— Завтра я уезжаю в Нью-Йорк. Вернусь через десять дней.

— Значит, до скорого.

Я повернулся, чтобы уйти, но она вдруг спросила:

— А вы с ним потом виделись?

— С кем?

— С Гарри Квебертом.

— Нет, больше он не давал о себе знать.

Я вышел из студии и уселся в ожидавшую меня машину. “Вы потом виделись с Гарри Квебертом?” После выхода книги меня без конца об этом спрашивали. И каждый раз я старался отвечать так, будто этот вопрос меня не волнует. Будто я не думаю об этом днями напролет. Где Гарри? Что с ним случилось?

Машина сначала двигалась вдоль реки Святого Лаврентия, потом свернула к центру Монреаля, вскоре уже показались очертания небоскребов. Мне нравился этот город. Здесь

мне было хорошо. Возможно, потому, что здесь меня ждали. В последние месяцы в моей жизни наконец появилась женщина.

В Монреале я жил в отеле “Ритц-Карлтон”, всегда в одном и том же номере на последнем этаже. Едва я переступил порог гостиницы, как меня остановил администратор — сообщил, что меня ожидают в баре. Я улыбнулся: она уже пришла.

Я нашел ее за неприметным столиком возле камина. Все еще в летной форме, она потягивала “Московского мула”. Заметила меня, просияла и поцеловала. Я крепко ее обнял. Чем больше я с ней виделся, тем больше она мне нравилась.

Реган исполнилось тридцать, как и мне. Она была пилотом авиакомпании “Эйр Канада”. Мы встречались больше трех месяцев. Рядом с ней жизнь мне казалась полнее, насыщеннее. Чувство было тем более сильным, что мне стоило невероятных трудов найти кого-то, кто мне по-настоящему нравится.

Последняя моя серьезная любовная связь — с девушкой по имени Эмма Мэттьюз, — случилась пять лет назад и продолжилась всего несколько месяцев. Поэтому, закончив “Правду о деле Гарри Квеберта”, я пообещал себе заняться своей личной жизнью. Интрижек было много, но все какие-то неудачные. Возможно, я слишком давил. Каждое свидание вскоре начинало походить на собеседование в отделе кадров: глядя на женщину, с которой едва успел завести разговор, я уже спрашивал себя, будет ли она хорошей партнершей и матерью моих детей. А в следующую минуту в мои мысли незваным гостем вторгалась моя собственная мать. Придвигала свободный стул, усаживалась рядом с бедняжкой и начинала выискивать в ней кучу недостатков. Именно мать, вернее, ее призрак, становилась на свидании судьей. Она нашептывала мне заезженную фразу, к которой питала особое пристрастие: “Марки, ты правда думаешь, что она — то, что надо?” Как будто мы

связывали себя на всю жизнь, хотя, в сущности, даже не знали, доживет ли наш роман до вечера. А поскольку мать прочила мне великое будущее, она всегда добавляла: “Скажи-ка, Марки, ты можешь представить себя в Белом доме, на церемонии вручения Медали свободы, рядом с этой девушкой?” Конец фразы обычно произносился презрительно, словно для того, чтобы я отказался. И я отказывался. Так бедная мать, сама того не ведая, поощряла мое безбрачие. До тех пор, пока я не встретил Реган — тоже благодаря ей.

Три месяца назад
31 декабря 2009 года

Как всегда, в канун Нового года я поехал в Монклер, Нью-Джерси, навестить родителей. Мы пили кофе в гостиной, и тут мать в очередной раз произнесла идиотскую фразу, которая меня невероятно бесила:

— Что тебе пожелать в новом году, дорогой, ведь у тебя и так все есть?

— Встретить потерянного друга, — с досадой ответил я.

— Кто-то из твоих друзей умер? — заволновалась мать; она не поняла намека.

— Я про Гарри Квеберта, — пояснил я. — Хочу его повидать. Узнать, что с ним случилось.

— К черту этого Гарри Квеберта! От него одни неприятности! От настоящих друзей неприятностей не бывает.

— Он сделал меня писателем. Ему я обязан всем.

— Ты никому ничем не обязан, кроме матери, которая дала тебе жизнь! Марки, тебе не нужны друзья, тебе нужна подружка! Почему у тебя нет подружки? Ты не хочешь подарить мне внуков?

— Не так-то легко кого-нибудь встретить, мама.

— Марки, дорогой, — мать старалась говорить ласково, — по-моему, ты не очень-то стараешься. Ты почти никуда не ходишь. Я знаю, ты иногда часами разглядываешь фотоальбом, где ты с этим Гарри.

— Откуда ты знаешь? — удивился я.

— Домработница твоя сказала.

— С каких пор ты общаешься с моей домработницей?

— С тех пор, как ты мне ничего не рассказываешь!

В это мгновение мой взгляд упал на фотографию в рамке: снимок был сделан во Флориде, на нем — дядя Сол, тетя Анита, кузены Гиллель и Вуди.

— Знаешь, если бы твой дядя Сол... — прошептала мать.

— Не надо об этом, мама, пожалуйста!

— Я просто хочу, чтобы ты был счастлив, Марки. У тебя нет никаких причин не быть счастливым.

Мне захотелось уйти. Я встал и взял куртку.

— Что ты делаешь вечером, Марки? — спросила мать.

— Встречаюсь с друзьями, — соврал я, чтобы ее успокоить. Я поцеловал ее, поцеловал отца и ушел.

Мать была права: у меня хранился альбом, в который я всякий раз утыкался в приступе ностальгии. Вернувшись в Нью-Йорк, я так и сделал. Налил себе стаканчик виски и стал перелистывать страницы с фотографиями. Последний раз я видел Гарри ровно год назад, декабрьским вечером 2008 года: он явился ко мне, чтобы поговорить напоследок с глазу на глаз. С тех пор он больше не объявлялся. Я хотел снять с него обвинение в убийстве, смыть пятно с чести своего друга, а в результате потерял его. Мне страшно его не хватало.

Я пытался, разумеется, отыскать его, но напрасно. Регулярно заезжал в Аврору, штат Нью-Гэмпшир, где он прожил последние тридцать лет. Часами бродил по городку. Часами слонялся вокруг его дома в Гусиной бухте. В любую погоду, в любое время. Найти его. Все поправить. Но Гарри не появлялся.

Пока я сидел с альбомом, погружившись в воспоминания о том, какими мы были, зазвонил городской телефон. На миг мне подумалось, вдруг это Гарри. Я поскорей снял трубку, но это была мать.

— Ты почему трубку берешь, Марки? — набросилась она на меня.

— Потому что ты звонишь, мама.

— Марки, сегодня Новый год! Ты же сказал, что пойдешь к друзьям! И не говори, что опять сидишь один дома и разглядываешь эти проклятые фото! А то я попрошу твою работницу их сжечь.

— Тогда я ее уволю, мама. Из-за тебя преданная женщина лишится работы. Ты довольна?

— Выйди сейчас же из дома, Марки! Помнится, когда ты еще учился в лицее, ты ходил встречать Новый год на Таймс-сквер. Зови друзей и ступай! Я требую! И не спорь с матерью.

Вот так я оказался на Таймс-сквер, в одиночестве — по правде сказать, мне некому было звонить в Нью-Йорке. На подступах к площади, заполненной сотнями тысяч людей, мне стало хорошо. Спокойно. Я отдался на волю людского прилива. И в эту минуту наткнулся на девушку с бутылкой шампанского. Она мне улыбнулась. Она мне сразу понравилась.

Когда часы пробили полночь, я ее поцеловал.

Так в мою жизнь вошла Реган.